

ГОРИ, МОЕ ГОРЮХИНО!

Сергей Барковский играет Ивана Петровича Белкина

ПУШКИНСКАЯ «История села Горюхина» поставлена режиссером Андреем Андреевым в Пушкинском театральном центре. Это как раз тот вид моноспектакля, который был высшей точкой жанра до того, как сам жанр реформировал Евгений Гришковец: актер мастерски присваивает текст произведения высокой литературы, а режиссер, помогая ему в этом, еще и украшает постановку «цветами собственного воображения», как сказано у Пушкина А. С.

СЕРГЕЙ Барковский, артист вполне самостоятельный, памятный не только небесспорными ролями в Молодежном театре, но и, например, давним блистательным Королем в «Эскориале», несомненно, способен «ответить за Пушкина». А Андрей Андреев,

столь несчастливо завершивший свое тюзовское правление, получил возможность доказать, что не только умеет плодотворно работать с актером, но и в состоянии сочинить на непростом материале небанальную концепцию, сделав сценический текст внятным, а ритм - упругим.

История крошечного села Горюхина, как и история крошечного литератора Белкина, разомкнута в этом спектакле в большой мир. Рожденный 1 апреля сочинитель, то ли недоразумение литературное, то ли беспокойное, неуверенное внутреннее «я» своего создателя, к вящему удовольствию публики, с непередаваемым комизмом быстренько пробегается по всем литературным родам и видам. Причем материалом ему служат сочинения не только господина Пушкина, но и строчки Чехова, Горького и т. д. Не

позволяя высказывать излишнюю «небелкинскую» осведомленность, Барковский смешно давится цитатами, иные воспроизводя и вовсе пантомимически: ест воображаемую вишню, плюет косточки, пальцы приставляет «пистолетиком» к виску, ну ясно же - «Выстрел». Вот проза! И малообразованный, ужасно скромный Иван Петрович совершеннейшим образом становится воплощением «литератора вообще» - не па сынком, а любимцем муз.

С селцом Горюхином метаморфозы происходят и еще более масштабные, поскольку становится оно в этом спектакле прозрачной метафорой Российской империи со всеми ее «радостями» - негодным правлением, недородами, неурожаями и пожарами. Барковский играет с разной степеню точности - то лукаво предлагает зрителям вы-

пить рюмку водки во славу родного Горюхина, то с несколько застывшей умильностью воркует над тряпичными куклами - доблестными горюхинцами, то, сильно снижая планку спектакля, на ломаных «иностранных» языках общается с пограничными соседями.

Но в лучшие минуты спектакля он с великолепным, сдержанным драматизмом и только местным понятной горечью (сквозь простодушную белкинскую маску) повествует о великом горюхинском запустении. И погруженный в невеселые мысли, Иван Петрович оставит внутри «дорогого, многоуважаемого шкафа» (впоследствии доставшегося обитателям «Вишневого сада») горящий окурок. Оттого и случится новый ужасный пожар, на которые столь щедра горюхинская история.

Лилия ШИТЕНБУРГ

Смена. - С. - Пб. - 2003 - 19 февр. - с. 10